DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-6-1

Систематическая рента в глобальных цепочках создания добавленной стоимости

Р.А. Самсонов¹, С.Н. Бочаров¹¹Алтайский государственный университет, г. Барнаул, РФ

Аннотация. Теория глобальных цепочек создания добавленной стоимости (ГЦСДС) является одной из наиболее содержательных и перспективных в объяснении закономерностей и особенностей развития региональной, страновой и международной экономики. Это позволяет совершенствовать методы и модели стратегического управления предприятиями, включенным в ГЦСДС. В статье на основе теории систематической ренты А.И. Губаря формулируется гипотеза, согласно которой воспроизводство капиталов в рамках ГЦСДС осуществляется посредством системы экономических механизмов рентных отношений. Предложенный подход преодолевает ограничения теории стратегического управления при анализе отношений рент, касающиеся источников и механизмов формирования динамических конкурентных преимуществ предприятий в процессе их взаимодействия в цепочках создания добавленной стоимости разного уровня. Методология исследования включает теории технологических укладов, ренты и контрактов, системный подход к анализу качественных и структурно-динамических характеристик воспроизводства капиталов в ГЦСДС. В качестве методов исследования применялись экономическое моделирование, статистический и графический анализ. Исследование процессов и тенденций воспроизводства капиталов в ГЦСДС сквозь призму механизма воспроизводства систематической ренты позволяет выявить их закономерности, особенности, формы их образования и динамику, акцентируя внимание на определении основных источников, стимулов и факторов развития. Сделан вывод о необходимости учета механизма воспроизводства систематической ренты при разработке бизнес-стратегий и программ государственного и регионального развития российской экономики в рамках ГЦСДС. При этом игнорирование или непонимание рентных экономических механизмов может привести к серьезным ошибкам экономической политики.

Ключевые слова: глобальные цепочки создания добавленной стоимости; систематическая рента; капитал; экономический механизм; стратегии; контракты; динамические конкурентные преимущества.

JEL Classification: D46, F23, F6

Финансирование: статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 19-010-01045 А «Исследование относительности стоимостных измерений неоднородного экономического пространства транзакций: микро- и макроэкономические аспекты», № 18-010-00593 А «Исследование глобальных цепочек создания добавленной стоимости как фактора повышения эффективности экономики региона».

Дата поступления статьи: 4 октября 2019 г.

Ссылка для цитирования: Самсонов Р.А., Бочаров С.Н. (2019). Систематическая рента в глобальных цепочках создания добавленной стоимости // Управление. Т. 10. № 6. С. 2–14. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-6-1.

ВВЕДЕНИЕ

Наблюдающийся в настоящее время процесс системной трансформации мировой экономики, построенной на расширенном воспроизводстве капиталов ТНК и аффилированных с ними структур в рамках ГЦСДС, сопровождается низкими темпами экономического роста на фоне торговых и санкционных войн, что актуализирует фундаментальные исследования, которые могли бы в той или иной степени объяснить развитие современных обществ в глобальном мире.

В современной экономике более 2/3 мировой торговли приходится на ГЦСДС, в которых 1 % крупных ТНК контролирует более половины экспорта товаров, включая нефть. Причем, как замечает Р. Каплинский [2003, с. 11], «такие «цепочки» являются хранилищами ренты, носящей динамичный характер». При этом ГЦСДС остаются недостаточно изученным фактором развития мировой экономики [Симачев и др., 2019, с. 10]. В теории стратегического управления исследования рентных отношений также находятся на начальном этапе, о чем пишет В.С. Катькало [2008, с. 459–460], анализируя работы

Ж. Дайера и Х. Сингха [1998], в которых изучается процесс получения экономических рент, сопряженный с межфирменной деятельностью.

Одним из перспективных направлений, повышающих уровень понимания мирохозяйственных связей в условиях стремительно нарастающей глобализации и деятельности могущественных ТНК, выступает разработка общей теории мировых рентных отношений, которая, по мнению Ю.В. Яковца [2003, с. 237–238], является ключом к решению узловых проблем в XXI в. и созданию механизма глобального устойчивого развития. Это требует серьезного исследования взаимосвязи воспроизводства капиталов в рамках ГЦСДС и системы мировых рентных отношений, которые пронизывают неоднородное экономическое пространство и определяют его стоимостные измерения.

Структурно-динамические аспекты воспроизводства капиталов, в том числе в ГЦСДС, достаточно хорошо изучены в рамках эволюционной экономической парадигмы и положены в основу теории долгосрочного тех-

нико-экономического развития. В работах С.Ю. Глазьева [1993, с. 62–70] показано, что в рамках одного этапа технико-экономического развития наблюдается экстенсивный и эволюционный типы научно-технического прогресса (НТП), а с переходом к следующему технологическому укладу – интенсивный и революционный типы, что характеризуется снижением издержек в производственных цепочках нового технологического уклада и изменением относительной структуры цен и рентабельности во всей экономике. В результате начинают массово перераспределяться ресурсы из старых производственных цепочек в цепочки нового технологического уклада с постоянным и все нарастающим вытеснением и замещением традиционных технологий и товаров новыми образцами. Таким образом, в технологических цепочках экономики систематически воспроизводятся и сосуществуют капиталы с разными уровнями рентабельности, темпами роста производства и нормами накопления, что формирует динамичную неоднородность экономического пространства и дифференциацию в отдаленности ресурсов.

При этом не до конца ясным и практически не изученным остается сам экономический механизм капиталовоспроизводства в производственных цепочках нового технологического уклада и перераспределения ресурсов, что является очень важным для правильного понимания воспроизводства капиталов в ГЦДС. По сути, мы видим попытку объяснения глобальных и макроэкономических процессов структурной динамики посредством мезо- и микроэкономических категорий без необходимого построения «соединительных конструкций» в виде гипотез или готовых концепций, объясняющих, как мезо- и микроэкономические явления и процессы развиваются и модифицируются, вплетаясь в макроскопическое и глобальное экономическое пространство.

В конце XX в., решая проблему в рамках теории ренты относительно распространения микроэкономического анализа квазиренты (рентного дохода на воспроизводимый капитал) на макроэкономическую систему в целом с учетом введенных А. Маршаллом временных периодов, А.И. Губарь [1999] разработал категорию и механизм систематической ренты как макроэкономической формы реализации рентных отношений в масштабе всей экономики.

Таким образом, *цель исследования* – описание закономерностей экономических механизмов воспроизводства капиталов в рамках ГЦДС на основе систематической ренты, что позволяет выявить основные драйверы технико-экономического развития современных обществ и показать ключевые источники формирования динамических конкурентных преимуществ предприятий в процессе стратегического управления на международных рынках.

Задачи, решаемые в рамках исследования: уточнить положения теории систематической ренты А.И. Губаря с позиции ГЦДС и наметить направления ее дальнейше-

го развития; проанализировать механизм воспроизводства систематической ренты в неоднородном экономическом пространстве отраслевой структуры рынков ГЦДС и его взаимосвязь со стратегиями вертикальной интеграции предприятий; изучить данный механизм в контексте контрактных отношений и влияния институциональных факторов в ГЦДС; разработать глобальные стратегии развития динамических конкурентных преимуществ российских предприятий в ГЦДС с использованием механизма систематической ренты.

ТЕОРИЯ СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ РЕНТЫ В ОБЪЯСНЕНИИ МЕХАНИЗМОВ И СТРАТЕГИЙ ВОСПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛОВ В ЦЕПОЧКАХ СОЗДАНИЯ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ

Разработка теории систематической ренты в качестве основы имела критику внешне стройного решения проблемы воспроизводства квазиренты, которое долгое время удовлетворяло большинство исследователей, а по существу, как отмечает А.И. Губарь [1999, с. 108], не только ее не исчерпывает, но и вызывает ряд новых вопросов.

Первый вопрос касался источников и ситуаций, обеспечивающих условия извлечения квазиренты, так как устанавливающееся в долгосрочном периоде равновесие, ведя к ее нуллификации, могло быть нарушено в существующих моделях только за счет воздействия неких экзогенных факторов, что делало возникновение квазиренты при таком подходе случайным и экономически недетерминированным, подвергалось сомнению сами основы теории квазиренты.

Второй вопрос был связан с асинхронностью уравновешивающих взаимодействий в различных отраслях экономики, которая не позволяла даже теоретически определить момент, обозначающий завершение долгосрочного периода, где нет условий для извлечения квазирентных доходов, оставляя все доказательства, что такой момент существует, на чисто аксиоматическом уровне.

Третий вопрос относился к отсутствию системного описания взаимосвязи закономерностей НТП, изменений в совокупном спросе и предложении, цикличности в макроэкономической динамике, оставляя их понимание на вербально-интуитивном уровне [Губарь, 1999, с. 108–109].

Для решения поставленных вопросов А.И. Губарь [1999, с. 109] предлагает рассматривать эффект квазиренты не с микроэкономических позиций, а с точки зрения макроэкономической системы. При таком подходе совокупный спрос (AD) и совокупное предложение (AS) рассматриваются не как условные статистические аналоги индивидуальных спроса (D) и предложения (S), а как взаимообусловленные совокупности, находящиеся в постоянной динамике.

В модели систематической ренты [Губарь, 1999, с. 109] предполагается, что в определенной отрасли рыночная цена (P_1) установилась выше предельных издержек репрезентативной фирмы (MC_0) на величину P_0P_1 , что обу-

словил извлечение квазиренты, величина которой равна площади P_0P_1BA (рис. 1).

Рис. 1. Квазирента
Fig. 1. Quasi-rent

В течение долгосрочного периода конкуренция и наличие квазирентных доходов станут стимулом и источником дополнительных вложений в рентоносную отрасль, это приведет к отраслевому и межотраслевому переливу капиталов, запуская действие мультипликационных механизмов в экономике. Фирмы будут покидать отрасли, в которых им приходилось минимизировать убытки или ограничиваться нормальной прибылью, поэтому наряду с ростом производства и предложения в рентопринносящей отрасли произойдет относительное и абсолютное сокращение предложения продукции и количества предприятий в низкорентабельных отраслях.

Таким образом, вырастет предложение продукции и снизятся цены, и, как результат, будет полностью утрачен квазирентный доход, равный площади P_0P_1BA (рис. 2).

Рис. 2. Нуллификация квазиренты
Fig. 2. Nullification of quasi-rent

Следует учитывать, что компенсация потери квазирентного дохода будет напрямую зависеть от ценовой эластичности спроса на товар отрасли, покрывая в опре-

деленных случаях утрату квазирентных доходов или даже превышая их. При этом отрасль будет ограничиваться нормальной прибылью, масса которой возрастет в связи с увеличением объема реализации товаров и будет существенно зависеть от ценовой эластичности спроса, что позволяет в моделях стратегического управления бизнесом обосновать переключение со стратегии «снятия сливок» на использование эффекта масштаба.

Рассмотренные положения А.И. Губарь [1999, с. 110] распространяет на экономику в целом. Поскольку общий объем доходов не уменьшится, а возможно, и возрастет, то таким же образом может меняться и совокупный спрос, существенно изменяя при этом распределение доходов и стимулы к инвестированию и влияя на механизм макроэкономического цикла.

Перелив капиталов приведет к нуллификации квазиренты в рентоносных отраслях, относительно снижая производство и предложение товаров в менее рентабельных отраслях и, что более важно, увеличивая спрос в отраслях, производящих элементы инвестиционного капитала для расширяющейся отрасли. Под влиянием повышательных факторов цены на продукцию в этих отраслях будут расти, запуская действие механизмов, обуславливающих появление квазирентных доходов в отраслях, относительно далеких от сфер, где квазирента заменяется нормальной прибылью (рис. 3 и 4).

Повышение спроса на продукцию отраслей, производящих капиталные блага (рис. 3), сдвигая кривую AD_0 в положение AD_1 , будет сопровождаться ростом цен и объемов предложения, что формирует условия для извлечения рентных доходов (фигура P_0P_1BA). В инвестиционных отраслях в силу производного характера спроса рост цен на их продукцию, объемы квазирентных доходов и положительный эффект возрастания объемов производства будут существенно зависеть от величины нуллифицирующейся квазиренты в ресурсоприносящих отраслях и от эластичности спроса на их продукцию. Таким образом, на основе модели систематической ренты раскрывается содержательная сторона реализации механизма акселерации в экономике.

Рис. 3. Рента в инвестиционных отраслях
Fig. 3. Economic rent in investment industries

В сокращающих объемы производства отраслях (рис. 4) в силу оттока капиталов в рентоносные отрасли кривая предложения MC_0 сдвинется в положение MC_1 , что может обеспечить производителям компенсацию за счет роста равновесных цен и возникновения предпосылок для извлечения в будущем квазирентных доходов [Губарь, 1999, с. 108].

Рис. 4. Рента в отраслях, сокращающих объем производства
Fig. 4. Economic rent in industries with decreasing production

Перелив капиталов в долгосрочном периоде нивелирует существующую дифференциацию отдачи экономических факторов, а следовательно, и квазиренту, но в макроэкономическом процессе такая неоднородность и дифференциация систематически воспроизводятся, меняя лишь сферы пространственной и временной локализации. Таким образом, А.И. Губарь [1999, с. 110–111] делает вывод, что квазирентный доход, рассматриваемый в макроэкономическом плане, носит достаточно устойчивый и систематический характер, что позволяет определять ренту данного рода как систематическую.

Предложенный макроэкономический подход к исследованию рентных отношений позволяет выделить структурно-динамическую природу систематической ренты и определить основные факторы ее извлечения: научно-технические, организационно-пространственные, временные опережения, эффекты «замыкающих» производств, более полное соответствие производства изменениям потребительских вкусов, образа жизни экономических субъектов. Систематическая рента во взаимосвязи с квазирентой, как отмечает А.И. Губарь [2006, с. 130], образует то исходное генетическое ядро, которое приводит в движение всю макроэкономическую систему.

Использование механизма систематической ренты в качестве драйвера в объяснении закономерностей воспроизводства капиталов в ГЦСДС имеет огромный потенциал, требуя при этом уточнения и дополнения некоторых параметров предложенной модели. Реализация механизма систематической ренты в воспроизводстве капиталов в ГЦСДС весьма специфична, что связано с закономерностями развития мировой экономики как си-

стемы более высокого порядка по отношению к экономическим отдельным стран.

Соответственно, необходимо определить ключевые вопросы и направления исследования, касающиеся встраивания модели систематической ренты в экономические механизмы воспроизводства капиталов в ГЦСДС.

Во-первых, структурный аспект – в модели систематической ренты предполагается наличие конкурентных рынков в разных отраслях экономики, которые взаимодействуют между собой по вертикальным и горизонтальным связям. Данный подход хотя и очень удобен для фундаментальной постановки проблемы, но, тем не менее, не раскрывает всех граней стоимостных измерений неоднородного экономического пространства внутриотраслевых и межотраслевых транзакций, где доминируют, как правило, несовершенные рынки, тем более если вести анализ в масштабах всего мирового хозяйства.

Во-вторых, институциональный аспект – рассмотренная модель систематической ренты была представлена в чистом виде, были намечены лишь самые общие контуры для ее встраивания в институциональный контекст, хотя при этом в исследованиях А.И. Губаря [2006, с. 127–137] уже формулируются предпосылки такого подхода – вводится понятие институциональной ренты, и рассматриваются ее факторы. Таким образом, в стороне от экономического анализа остался целый пласт процессов, влияющих на потенциал и механизм рентных отношений, тем более если мы говорим об участии в воспроизводстве капиталов в рамках ГЦСДС (государственные тарифные и нетарифные инструменты, международные договоры, оппортунизм и коррупция, этнические и социальные особенности потребительского поведения в разных странах и регионах, факторы лояльности и доверия и др.).

В-третьих, динамический аспект – теория систематической ренты, хотя и демонстрирует непрерывное воспроизводство рентных доходов в экономике посредством схем отраслевого и межотраслевого движения капиталов, тем не менее, так и осталась неформализованной, в виде динамической модели (учитывающей механизмы мультипликации и акселерации), что позволило бы более глубоко проанализировать закономерности и особенности развития рентных отношений в современных обществах, тем более, если учесть, что на хозяйственную динамику сильное влияние оказывает масштаб анализируемой экономической системы. Эффект масштаба в мировой экономике несравненно выше, чем в любой из самых развитых стран, что делает исследование динамики механизма систематической ренты в масштабах мировой экономики особенно актуальным.

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РЕНТА

В НЕОДНОРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ РЫНКОВ

И СТРАТЕГИИ ВЕРТИКАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Реализация экономического механизма систематической ренты преломляется и искажается через комплекс гори-

горизонтальных и вертикальных связей в рамках различных отраслевых структур рынков, которые в самом общем и упрощенном виде могут быть представлены в качестве моделей совершенной конкуренции, монополистической конкуренции, олигополии и монополии.

По сути, именно здесь мы находим еще один структурный источник, наряду с НТП и дифференциацией эффективности ресурсов, реализации механизма систематической ренты на микро- и мезоуровнях экономического пространства.

Коэффициент Тобина (QT), являясь одним из ключевых индексов рыночной власти фирм, характеризует отношение рыночной стоимости активов компании к их восстановительной стоимости, что позволяет использовать его в качестве индикатора капитализации рентного дохода в соответствии с моделью рентной цены капитала.

Рассмотрим значения коэффициентов Тобина для компаний в развитых странах, представленные Т. Пикетти [2016, с. 193], как соотношение между рыночной и балансовой стоимостями за длительный период (рис. 5).

Т. Пикетти [2016, с. 193] констатирует общую тенденцию к повышению коэффициента Тобина в богатых странах с 1970-х гг., отражающую феномен исторического роста цен активов, что косвенно подтверждает гипотезу о существовании устойчивого воспроизводства капиталов в ГЦСДС на основе механизма систематической ренты, выступающего своеобразным драйвером и мультипликатором импульсов в развитии мировой экономики.

Процессы формирования стоимости промежуточной и конечной продукции в многозвенной технологической цепочке и проблема «двойной надбавки» в рамках вертикальной интеграции и вертикальных ограничений исследованы в работах Д. Спенглера [1950], Ф. Шерера и Д. Росса [1997], Ж. Тироля [1996] и др. В исследованиях

С.Б. Авдашевой [2000], А.Я. Бутыркина [2003], С.С. Губанова [2008], А.Е. Шаститко [2002], И.С. Межова и С.Н. Бочарова [2010] изучена российская специфика ценообразования в рамках вертикальных ограничений и вертикально-интегрированных структур.

В случае вертикального взаимодействия предприятий-монополистов в рамках ГЦСДС, как и на уровне страновой экономики, возникнут эффекты «двойной надбавки», являющиеся отрицательными экстерналиями. При этом удорожание и повышение рентабельности нарастают в соответствии с числом звеньев в вертикальной цепи взаимодействующих предприятий. По оценкам А.Я. Бутыркина [2003, с. 154–155], «при формировании цен по принципу “издержки плюс” с увеличением числа независимых сопряженных производств на единицу происходит относительное удорожание конечного продукта, равное половине рентабельности».

Как следует из теоретических моделей [Бутыркин, 2003, с. 145–155] (рис. 6 и 7), верифицированных на практических данных, в ситуации вертикально-интегрированного предприятия масса прибыли (π) возрастает в сравнении с результатами деятельности независимых производителей промежуточной продукции на монопольных рынках, а также снижается уровень цен и растет количество произведенных и проданных товаров, что в целом повышает благосостояние потребителей.

Таким образом, сравнительный анализ вертикальных взаимодействий между предприятиями с учетом механизма систематической ренты также объясняет логику построения ГЦСДС на основе заключения вертикальных контрактов и объединения в вертикально-интегрированные структуры, что позволяет сбалансировать интересы и максимизировать уровень рентабельности всех участников цепи.

Рис. 5. Соотношение рыночной и балансовой стоимости компаний
Fig. 5. Market and book value of companies

Рис. 6. Вертикальное взаимодействие предприятий без интеграции

Fig. 6. Vertical interaction between enterprises with no integration

Рис. 7. Вертикальная интеграция предприятий

Fig. 7. Vertical integration between enterprises

При различных структурах рынка вертикальная интеграция сопровождается большим размером прибыли (включающей, как правило, рентную составляющую), чем сумма прибыли независимых предприятий, но по мере роста числа фирм на рынке и усиления конкуренции рентный выигрыш от вертикальной интеграции постепенно сокращается (рис. 8 и 9).

Рис. 8. Вертикальное взаимодействие предприятий в условиях олигополии

Fig. 8. Vertical interaction between enterprises under oligopoly

На рынках с высокой конкуренцией вертикальная интеграция практически не будет приносить дополнительных эффектов, так как предприятия в долгосрочном периоде работают на уровне нормальной прибыли без извлечения рентных доходов, покрывая только свои издержки, поэтому существенного изменения цен, объемов продаж и прибыли при вертикальном объединении не произойдет [Бутыркин, 2003, с. 153].

Рис. 9. Вертикальное взаимодействие предприятий в условиях монополистической конкуренции

Fig. 9. Vertical interaction between enterprises under monopolistic competition

В масштабах международной экономики наблюдается конкуренция между вертикально-интегрированными структурами, формирующими ГЦСДС, которые, как правило, институционализированы вокруг крупных ТНК. Таким образом, происходят постоянное перераспределение рентных доходов и движение капиталов в рамках ГЦСДС и между ними, что в контексте механизма систематической ренты хорошо вписывается в модели замещения технологических укладов, рассмотренные в работах С.Ю. Глазьева [1993].

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РЕНТА В КОНТЕКСТЕ КОНТРАКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ

Уровень рентных доходов предприятий, участвующих во внешнеэкономической деятельности и международной кооперации, во многом зависит и от степени их вовлечен-

ности в ГЦСДС, которая может быть определена видом используемого контракта, выбираемого в зависимости от уровня специфичности активов и их способности генерировать квазиренду, т. е. «превышение ценности (актива) над доходом от его наилучшего альтернативного использования» [Менар, 2005, с.128–131]. В работах Ж. Дайера и Х. Сингха [1998, р. 662] исследуется отношенческая рента, определяемая как сверхприбыль, которая совместно извлекается в результате обмена и которую невозможно получить изолированной деятельностью отдельных фирм, а только путем идиосинкразических усилий партнеров, специализированных относительно их альянсов на основе гибридных и отношенческих контрактов.

С учетом данного замечания можно сформулировать гипотезу, согласно которой ТНК, которые формируют ядро ГЦСДС, как правило, являются интегрированными иерархическими структурами с доминированием отношенче-

ских контрактов, что позволяет им, контролируя нематериальный и финансовый капиталы, извлекать большую долю рентных доходов. В свою очередь, их ключевые партнеры, сосредоточившие в рамках ГЦСДС менее специфические активы для выполнения производственной и сервисной функций, взаимодействуют на основе гибридных форм вертикальной организации транзакций и получают меньшую часть рентного дохода. Слаборазвитые страны и их предприятия либо вообще лишены возможности полноценного участия в ГЦСДС, либо эксплуатируются на основе рыночных транзакций, будучи встроены в ГЦСДС в качестве поставщиков неспецифических сырьевых и трудовых ресурсов, а также источников разных форм институциональной ренты.

В современной мировой экономике сформировались три взаимосвязанных центра ГЦСДС для двусторонних потоков торговли деталями и компонентами (рис. 10): США, Азия

Рис. 10. Три взаимосвязанных производственных центра ГЦСДС для двусторонних потоков торговли компонентами¹
Fig. 10. Three interrelated production hubs of global value chains for bilateral trade in components

¹ Источник: [Diakantoni и др., 2017], на основе базы данных ООН Comtrade (URL: <https://comtrade.un.org>). Цвет узлов (и их экспортных потоков) – от синего до красного, синий указывает на высшую степень центральности.

(Китай, Япония, Республика Корея) и Европа (в первую очередь Германия). Развивающиеся страны, расположенные на периферии, торгуют в основном с географически наиболее близким им центром, а многие из них вообще слабо вовлечены в ГЦСДС (например, большинство африканских стран далеки от существующих хабов). В развивающихся странах, как правило, в ГЦСДС участвуют преимущественно крупные фирмы, а небольшие торгуют в пределах региона¹.

Механика систематической ренты в пространстве ГЦСДС, как показывают переходные экономики, торговые и квазисанкционные войны, может быть сильно искажена, а процесс создания «хорошей» ренты, связанной с инновациями и повышением благосостояния обществ, дополнен и переключен поиском «плохой» ренты, связанной с лоббированием различного рода предпочтений и привилегий для групп специальных интересов посредством коррупционных схем и бюрократических процедур, что в конечном счете снижает уровень благосостояния обществ [Tulloch, 1967].

Участники ГЦСДС часть ресурсов могут инвестировать в нормальную хозяйственную деятельность по созданию прибыли, а другую в это же время – в деятельность по изысканию «плохой» ренты. Критерием эффективности распределения ресурсов для рентоискателя выступает соотношение значений предельной рентабельности их использования, уровень издержек, а также степень развития конкуренции в каждой из этих сфер или территорий. В разных отраслях и регионах данный процесс может иметь различную интенсивность, свои пропорции, число участников, норму и массу перераспределяемой ренты.

По оценке экспертов, размеры чистых потерь благосостояния общества («треугольник Харбергера») от монополизма очень сильно различаются в зависимости от страновых, отраслевых и прочих особенностей и могут достигать до 13 % и выше от ВВП [Заостровцев, 2000, с. 43–44]. При этом издержки от Х-неэффективности Лейбенштейна, по мнению Ф. Шерера и Д. Росса [1997, с. 659–663], соответствуют примерно 0,5–2 % ВВП.

Монопольная власть, как правило, выступает результатом лоббирования для фирмы (отрасли) ее интересов в системе публично-властных институтов, а такая деятельность требует больших затрат в виде коррупционных и иных платежей чиновникам и инсайдерам. Причем стимулом и источником таких издержек является сама монопольная рента, часть которой остается бизнес-структурам, а другая часть трансформируется в институциональную ренту в виде бюрократических и коррупционных доходов [Самсонов, 2012]. Таким образом, ресурсы, затраченные на захват рентного трансферта, также являются потерями для общества от монополии («прямоугольник Таллока»).

Р. Познер [1975] в своих исследованиях показал, когда наблюдается полное растрачивание или даже пере-

растрачивание ренты. Перерастрачивание ренты также может быть связано с защитой ренты со стороны потребителей. По мнению А. Ослунда [1996, с. 102], потери от поиска ренты в России в начале 90-х гг. XX в. за счет разницы между мировыми и внутренними ценами на сырье, субсидий и рэкеты превысили 80 % ВВП.

При этом относительно монополистов-новаторов, по традиции Й. Шумпетера и Дж. Гэлбрейта, существует точка зрения, что их деятельность не только не сопряжена с ущербом для благосостояния общества, но и, наоборот, ведет к появлению излишка потребителя и инновационной ренты монополиста на новых рынках [Littlechild, 1981].

С позиции теории систематической ренты переключения с поиска «хорошей» ренты на поиск «плохой» и обратно в ходе рентоориентированного поведения носят цепной и динамический характер, определяющий наличие тенденции к периодическому воспроизводству рентных взаимопереходов от одного типа к другому. Другими словами, получение «хорошей» ренты способно сформировать потенциал, стимулы и источники для поиска «плохой» ренты, которая в свою очередь также может вызывать аналогичные, но обратные направленные процессы. Реализация такого потенциала возможна по причине постоянной имманентной конкуренции между самими институтами поиска ренты и динамики ее рентабельности в рамках каждого института.

К тому же поиск «плохой» ренты способен вызывать экономические потери предпринимателей, взаимодействующих с искомателем негативной ренты. Они могут быть выражены сокращением объема производства в отраслях-потребителях и в отраслях-поставщиках, ростом цен в отраслях-потребителях и снижением цен в отраслях-поставщиках, а также поглощать не только их возможные рентные доходы, но и часть альтернативных издержек от сокращения производства. При этом в данных отраслях возникают как условия для активации инновационных факторов, так и мотивы для реализации противоположных процессов по лоббированию различных предпочтений.

Кроме того, на замыкающем этапе произойдет уменьшение или полная утрата потребительского излишка конечных клиентов. Данные процессы при наличии определенных институциональных условий способны активизировать деятельность по защите ренты и/или поиску иных ее источников, используя в качестве критерия выбора минимизацию транзакционных затрат в рамках того или иного института поиска ренты. По такой схеме во всей хозяйственной цепочке раскручивается спираль периодических рентных переключений, формируя в экономике, как на шахматной доске, своеобразные институциональные поля доминирования по извлечению как «хорошей», так и «плохой» ренты. Предложенный подход [Самсонов, 2005] позволяет системно увидеть весь контур межхозяйственных взаимодействий в разрезе поиска принципиально противоположных для экономического

¹Global Value Chain Development Report 2017: Measuring and Analyzing the Impact of GVCs on Economic Development. Washington, DC: World Bank. P. 7.

роста типов ренты, а также выявить и уточнить некоторые аспекты деятельности по ее защите.

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ДИНАМИЧЕСКИХ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ В ГЦСДС С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ РЕНТЫ

В ГЦСДС на основе механизма воспроизводства систематической ренты, выступающей своеобразным драйвером в реализации взаимосвязанных эффектов мультипликации и акселерации, разворачиваются процессы формирования добавленной стоимости и воспроизводства капиталов в масштабах страновой и международной экономики. При этом в качестве фундаментальных факторов (наряду с достижением режима полной занятости ресурсов), которые определяют пределы разворачивания кумулятивного процесса экономической динамики, выступают предельная склонность к сбережению и убывающая предельная производительность капитала, исчерпывающая, в том числе, потенциал автономных инвестиций. Когда автономные инвестиции прекращаются, механизм мультипликатора-акселератора действует также в обратном направлении, что сильно сказывается как на сокращении доходов от автономных и производных инвестиций, так и на снижении уровня производных инвестиций в экономике.

В масштабах международной экономики, построенной из множества ГЦСДС, механизм систематической ренты, пронизывающий и скрепляющий все неоднородное пространство стоимостных измерений, постоянно накапливая экономический потенциал, стимулирует и пытается заполнить инновационные возможности НТП и открывающиеся рынки, запуская каскады все новых инвестиционных импульсов воспроизводства капиталов.

Предложенная динамическая модель систематической ренты в общем виде, тем не менее, хорошо объ-

ясняет инвестиционные импульсы вывода экономик развивающихся стран на устойчивые тренды с траекториями опережающего развития в условиях их активного участия в ГЦСДС (см. табл.).

В России для сопоставления, по данным Росстата¹, доля инвестиций в основной капитал в ВВП с 2014 по 2018 г. составляет около 20–21,5 %, что является недостаточным условием для совершения стратегического прорыва в технико-экономическом развитии страны.

Для наращивания инвестиционной и инновационной активности С.Ю. Глазьев предполагает использовать опыт новых индустриальных стран, Японии и Китая, которые совершили «экономическое чудо», воспользовавшись эффектом «лифта», возникающим в периоды крупномасштабных глобальных технологических сдвигов. Данные страны добивались повышения нормы накопления капитала до 35–40 % от ВВП за счет мощного иницирующего импульса, концентрируя ресурсы на прорывных направлениях глобального экономического роста в рамках становления нового технологического уклада. «При этом, чтобы “удержаться на гребне” новой волны экономического роста, инвестиции в развитие производств нового технологического уклада должны увеличиваться ежегодно не менее, чем в 1,5 раза. Для этого общая доля расходов на НИОКР в ВВП должна достигнуть 4 %» [Глазьев, 2013, с. 31].

Государственная экономическая политика в современной России в части обеспечения эффективной интеграции в ГЦСДС должна строиться на основе использования механизма систематической ренты с учетом сложившихся институциональных условий, что позволит реализовывать устойчивые и динамические конкурентные преимущества отечественных предприятий.

¹ Эффективность экономики России / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/folder/11186>.

Динамика нормы накопления капитала в экономиках развивающихся стран с 1950 по 2010 г.
Dynamics of the rate of capital accumulation in developing economies during 1950–2010

Год	Инвестиции / ВВП, %					
	Япония	Южная Корея	Сингапур	Малайзия	Китай	Индия
1950	–	–	–	–	–	10,4
1955	19,4	10,6	–	9,2	–	12,5
1960	29,0	11,1	6,5	11,0	–	13,3
1965	29,8	14,9	21,3	18,3	–	15,8
1970	35,5	25,5	32,6	14,9	–	14,6
1975	32,5	26,8	35,1	25,1	–	16,9
1980	31,7	32,4	40,6	31,1	28,8	19,3
1985	27,7	28,8	42,2	29,8	29,4	20,7
1990	32,1	37,3	32,3	33,0	25,0	22,9
1995	27,9	37,3	33,4	43,6	33,0	24,4
2000	25,2	30,0	30,6	25,3	34,1	22,7
2005	23,3	28,9	21,3	20,5	42,2	30,4
2009	20,6	29,3	27,9	20,4	46,7	30,8
2010	20,5	28,6	25,0	20,3	46,1	29,5

Источник: Я.М. Миркин. М.: ИК «Еврофинансы» [см.: Глазьев, 2018].

Необходимо переключать сферу образования, науки и культуры, все те сектора экономики, в которых воспроизводится интеллектуальная и нравственная составляющая человеческого капитала, с поиска «плохой» ренты на «хорошую», что, с одной стороны, приведет к росту производительности труда и капитализации инновационной ренты ее носителями (а не чиновниками и монополиями), а с другой – создаст благоприятную среду для НТП и имманентного развития творческого потенциала предпринимательства как катализаторов систематической ренты. Все это должно быть реализовано при сохранении лучшего советского опыта и заимствовании передовых зарубежных подходов с обязательным условием восстановления института репутации.

На основе научно обоснованного подхода с учетом приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации необходимо разработать комплексную долгосрочную (в контексте теории циклов и эволюции технологический укладов) стратегию развития страны с выделением точек роста по наиболее перспективным макротехнологиям, выпускающим наукоемкую и высокотехнологическую продукцию с большой долей добавленной стоимости (авиакосмонавтика, энергетика, информационные технологии, биотехнологии, технологическое машиностроение, технологии комплексной безопасности и др.). В рамках данных направлений требуется всемерно развивать вертикально-интегрированные корпорации и их кластеры, которые в потенциале способны стать ядром новых ГЦСДС. Обладание высоким научно-техническим и инновационным потенциалом в виде специфических активов нематериального капитала позволит таким предприятиям участвовать в ГЦСДС в качестве ключевых стейкхолдеров [Самсонов, Бочаров, 2018], получая значительную часть экономического эффекта от систематической ренты.

В качестве финансовых источников ресурсов для запуска каскада исходных, целевых и автономных импульсов инвестиционного и инновационного развития могут выступить, как предлагает С.Ю. Глазьев [2018, с. 395–436], точечная и управляемая эмиссия и бюджетные фонды. Такой подход придаст всему экономическому пространству страны импульс инновационного развития.

Необходимо ускоренное развитие в Российской Федерации и странах-партнерах (ЕАЭС, БРИКС и др.) современной институциональной инфраструктуры финансовых рынков (валютных, фондовых и др.) для обеспечения эффективной и динамичной аллокации капиталов в ГЦСДС, что позволит существенно повысить КПД механизма систематической ренты.

Далее за счет мультипликационного механизма возобновляемых импульсов систематической ренты и поддерживающих кредитных инструментов создаваемых инвестиционных банков развития, использующих источники публичных фондов и сбережения населения, запустится весь макроэкономический процесс. Прежде всего

заработают предприятия инвестиционно-образующих отраслей (строительство, машиностроение, инфраструктура и логистика), полноценно включатся финансовый и сервисный сектора, что позволит привлечь иностранные инвестиции (прежде всего из стран-партнеров) в эти отрасли. Поэтому в данных секторах целесообразно устраивать участие в ГЦСДС на основе кооперации в рамках гибридных контрактов.

Российские предприятия АПК и сырьевых отраслей, за исключением ТЭК, участвующие в ГЦСДС в основном как разрозненные поставщики сырья и продукции с низкой добавленной стоимостью в рамках рыночных экспортных контрактов, целесообразно объединить в ассоциации и вертикально-интегрированные структуры. На этой основе необходимо проводить политику рецепции лучшего зарубежного опыта, современных технологий и компетенций, поэтапно создавая наукоемкое и высокотехнологическое природопользование и развивая системную экологию как будущее ядро ГЦСДС новых технологических укладов и источник инновационной ренты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве основных результатов исследования сформулируем общие выводы и предложения.

1. Систематическая рента формирует устойчивые и постоянно возобновляемые импульсы для воспроизводства капиталов в рамках цепочек создания добавленной стоимости разного уровня, возникающих в процессе развития технологических укладов в международной экономике.

2. Механизм воспроизводства систематической ренты содержательно дополняет и развивает закономерности и принципы, описанные в теории экономических механизмов мультипликации и акселерации, с позиции макроэкономического анализа структурно-динамических факторов. В масштабах международной экономики, структурированной в рамках ГЦСДС, систематическая рента целиком раскрывает свой экономический потенциал как автокаталитический драйвер развития современных обществ.

3. Включение механизма воспроизводства систематической ренты в модели экономической политики и бизнес-стратегии для участия конкурентоспособных предприятий в ГЦСДС будет способствовать выработке адекватных прогнозов и принятию эффективных управленческих решений по развитию экономики на основе формирования динамических конкурентных преимуществ.

4. Требуются дальнейшие фундаментальные и прикладные исследования на основе интеграции теорий социально-экономических циклов, технологических укладов, систематической ренты, глобальных цепочек создания добавленной стоимости и контрактов с целью разработки общей теории технико-экономического развития современных обществ в глобальном мире. ■

Источники

- Авдашева С.Б. (2000). Формы вертикальной интеграции в российской промышленности 1990-х годов: дис. ... д-ра экон. наук. М.
- Бутыркин А.Я. (2003). Вертикальная интеграция и вертикальные ограничения в промышленности. М.: УРСС.
- Глазьев С.Ю. (1993). Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар.
- Глазьев С.Ю. (2013). О политике опережающего развития в условиях смены технологических укладов // Вестник РАЕН. № 1. С. 29–35.
- Глазьев С.Ю. (2018). Экономика будущего. Есть ли у России шанс? М.: Книжный мир.
- Губанов С.С. (2008). Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. № 9. С. 3–27.
- Губарь А.И. (1999). Систематическая рента // Известия Алтайского государственного университета. № 2. С. 107–111.
- Губарь А.И. (2006). Институты и механизмы экономического развития. Барнаул: Изд-во ААЭП.
- Заостровцев А. (2000). Рентоориентированное поведение: потери для общества // Вопросы экономики. № 5. С. 31–44.
- Каплински Р. (2003). Распространение положительного влияния глобализации: анализ «цепочек» приращения стоимости // Вопросы экономики. № 10. С. 4–26.
- Каткало В.С. (2008). Эволюция теории стратегического управления. СПб.: Изд-во «Высшая школа менеджмента».
- Межов И.С., Бочаров С.Н. (2010). Организация и развитие корпоративных образований. Интеграция. Анализ взаимодействий. Организационное проектирование. Новосибирск: Изд-во НГТУ.
- Менар К. (2005). Экономика транзакционных издержек: от теоремы Коуза до эмпирических исследований // Институциональная экономика / под общ. ред. А. Олейника. М.: ИНФРА-М. С. 128–131.
- Ослунд А. (1996). «Рентоориентированное поведение» в российской переходной экономике // Вопросы экономики. № 8. С. 99–108.
- Пикетти Т. (2016). Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Самсонов Р.А. (2005). Логика институциональных трансформаций в процессе поиска ренты // Управление социально-экономическими системами: теория и практика: материалы науч.-практ. конф. / под ред. А.И. Губаря. Барнаул: Изд-во ААЭП. С. 22–29.
- Самсонов Р.А. (2012). Институциональный монополизм в системе экономических отношений: монография. Барнаул: АЗБУКА.
- Самсонов Р.А., Бочаров С.Н. (2018). Ответственность стейкхолдеров при формировании глобальных цепочек создания добавленной стоимости // Управленец. Т. 9. № 4. С. 53–65. DOI: 10.29141/22185003-2018-9-4-6.
- Симачев Ю.В., Данильцев А.В., Федюнина А.А. и др. (2019). Россия в меняющихся условиях мировой торговли: структурный взгляд на новое позиционирование // Вопросы экономики. № 8. С. 5–29.
- Тироль Ж. (1996). Рынки и рыночная власть: теория организации промышленности. СПб.: Экономическая школа.
- Шаститко А.Е. (2002). Новая институциональная экономическая теория. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС.
- Шерер Ф., Росс Д. (1997). Структура отраслевых рынков. М.: ИНФРА-М.
- Яковец Ю.В. (2003). Рента, антирента, квазиарента в глобально-цивилизационном измерении. М.: Академкнига.
- Dyer J.H., Singh H. (1998). The relational view: Cooperative strategy and sources of interorganizational competitive advantage. *The Academy of Management Review*, vol. 23, no. 4, pp. 660–679. DOI: 10.2307/259056.
- Littlechild S. (1981). Misleading calculations of the social costs of monopoly power. *Economic Journal*, vol. 91, no. 362, pp. 348–363.
- Posner R. (1975). The social costs of monopoly and regulation. *Journal of Political Economy*, vol. 83, no. 4, pp. 807–828.
- Spengler J. (1950). Vertical integration and antitrust policy. *Journal of Political Economy*, vol. 58, no. 4, pp. 347–352.
- Tullock G. (1967). The welfare costs of tariffs, monopolies and theft. *Western Economic Journal (now Economic Inquiry)*, vol. 64, pp. 224–232.

Информация об авторах

Самсонов Руслан Александрович

Кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций. Алтайский государственный университет (656049, РФ, г. Барнаул, пр. Ленина, 61). E-mail: samsonovr@ya.ru.

Бочаров Сергей Николаевич

Доктор экономических наук, профессор, ректор. Алтайский государственный университет (656049, РФ, г. Барнаул, пр. Ленина, 61). E-mail: bocharov@edu.asu.ru.

DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-6-1

Systematic rent in global value chains

Ruslan A. Samsonov, Sergey N. Bocharov

¹ Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The theory of global value chains (GVCs) is one of the most extensive and promising theories in explaining the patterns and special features of the development of regional, national and international economies, which allows improving methods and models of strategic management of enterprises participating in GVCs. Based on the theory of systematic rent by Aleksey Gubar, we put forward a hypothesis suggesting that capital reproduction within GVCs is implemented through the system of economic mechanisms of rental relations. The proposed approach transcends the limitations of strategic management in the analysis of relational rents regarding the sources and mechanisms for forming dynamic competitive advantages of enterprises in the process of their interaction within value chains at different levels. The methodological framework includes theories of technological waves, rent and contracts, as well as the system-based approach to the analysis of qualitative and structural-dynamic characteristics of capital reproduction in GVCs. The research methods are economic modelling, statistical and graphical analysis. The study of processes and trends in capital reproduction within GVCs through the prism of the mechanism of systematic rent makes it possible to identify their patterns, peculiarities, forms and dynamics while concentrating on the major sources, stimuli and factors of development. We conclude that it is necessary to consider the systematic rent mechanism when framing business strategies and programs of state and regional development of the Russian economy within GVCs. At that, ignoring or misunderstanding rental economic mechanisms can cause serious errors in economic policy.

Keywords: global value chain; systematic rent; capital; economic mechanism; strategy; contract; dynamic competitive advantage.

JEL Classification: D46, F23, F6

Funding: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 19-010-01045 A "The study of the relativity of cost measurements of a heterogeneous economic space of transactions: micro- and macroeconomic aspects" and project number 18-010-00593 A "The study of global value chains as a factor in improving regional economy".

Paper submitted: October 4, 2019

For citation: Samsonov R.A., Bocharov S.N. (2019). Systematic rent in global value chains. *Upravlenets – The Manager*, vol. 10, no. 6, pp. 2–14. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-6-1.

References

- Avdasheva S.B. (2000). *Formy vertikal'noy integratsii v rossiyskoy promyshlennosti 1990-kh godov: dis. ... d-ra ekon. nauk* [Forms of vertical integration in Russian industry of the 1990s: abstract of Dr. sci. diss.]. Moscow.
- Butyrkin A.Ya. (2003). *Vertikal'naya integratsiya i vertikal'nye ogranicheniya v promyshlennosti* [Vertical integration and vertical constraints in industry]. Moscow: URSS.
- Glaz'ev S.Yu. (1993). *Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya* [The theory of long-term technical and economic development]. Moscow: Vldar.
- Glaz'ev S.Yu. (2013). O politike operezhayushchego razvitiya v usloviyakh smeny tekhnologicheskikh ukladov [The policy of out-running development under the change of technological order]. *Vestnik RAEN – Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, no. 1, pp. 29–35.
- Glaz'ev S.Yu. (2018). *Ekonomika budushchego. Est' li u Rossii shans?* [The economy of the future. Does Russia have a chance?]. Moscow: Knizhnyy mir.
- Gubanov S.S. (2008). Neoindustrializatsiya plus vertikal'naya integratsiya (o formule razvitiya Rossii) [Neo-industrialization plus vertical integration (on the formula for Russia's development)]. *Ekonomist – Economist*, no. 9, pp. 3–27.
- Gubar' A.I. (1999). Sistematicheskaya renta [Systematic rent]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*, no. 2, pp. 107–111.
- Gubar' A.I. (2006). *Instituty i mekhanizmy ekonomicheskogo razvitiya* [Institutions and mechanisms of economic development]. Barnaul: AAEP.
- Zaostrovtssev A. (2000). Rentoorientirovannoe povedenie: poteri dlya obshchestva [Rent-oriented behavior: Losses for society]. *Voprosy ekonomiki – Issues of Economy*, no. 5, pp. 31–44.
- Kaplinski R. (2003). Rasprostraneniye polozhitel'nogo vliyaniya globalizatsii: analiz «tsepochek» prirashcheniya stoimosti [The spread of the positive impact of globalization: Analysis of the "chains" of value increment]. *Voprosy ekonomiki – Issues of Economy*, no. 10, pp. 4–26.
- Kat'kalo V.S. (2008). *Evolutsiya teorii strategicheskogo upravleniya* [Evolution of strategic management theory]. St. Petersburg: Vysshaya shkola menedzhmenta.
- Mezhov I.S., Bocharov S.N. (2010). *Organizatsiya i razvitiye korporativnykh obrazovaniy. Integratsiya. Analiz vzaimodeystviy. Organizatsionnoe proektirovaniye* [Organization and development of corporate entities. Integration. Analysis of interactions. Organizational design]. Novosibirsk: NGTU.
- Menar K. (2005). Ekonomika transaktsionnykh izderzhkek: ot teoremy Kouza do empiricheskikh issledovaniy [Economics of transaction costs: From Coase's theorem to empirical research]. In: Oleynik A. (ed.). *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional economics]. Moscow: INFRA-M. Pp. 128–131.
- Oslund A. (1996). "Rentoorientirovannoe povedenie" v rossiyskoy perekhodnoy ekonomike ["Rent-oriented behavior" in the Russian transitional economy]. *Voprosy ekonomiki – Issues of Economy*, no. 8, pp. 99–108.
- Piketti T. (2016). *Kapital v XXI veke* [Capital in the 21st century]. Moscow: Ad Marginem Press.

- Samsonov R.A. (2005). Logika institutsional'nykh transformatsiy v protsesse poiska renty [The logic of institutional transformations in the process of rent seeking]. In: Gubar' A.I. (ed.). *Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskimi sistemami: teoriya i praktika: materialy nauch.-prakt. konf.* [Management of socio-economic systems: Theory and practice. Proc. of sci.-pract. conf.]. Barnaul: AAEP. Pp. 22–29.
- Samsonov R.A. (2012). *Institutsional'nyy monopolizm v sisteme ekonomicheskikh otnosheniy* [Institutional monopolism in the system of economic relations]. Barnaul: AZBUKA.
- Samsonov R.A., Bocharov S.N. (2018). Otvetstvennost' steykholderov pri formirovanii global'nykh tsepochek sozdaniya dobavlennoy stoimosti [Stakeholder responsibility in the formation of global value chains]. *Upravlenets – The Manager*, vol. 9, no. 4, pp. 53–65. DOI: 10.29141/22185003-2018-9-4-6.
- Simachev Yu.V., Danil'tsev A.V., Fedyunina A.A. et al. (2019). Rossiya v menyayushchikhsya usloviyakh mirovoy trgovli: strukturnyy vzglyad na novoe pozitsionirovanie [Russia in the changing conditions of world trade: A structural view at the new positioning]. *Voprosy ekonomiki – Issues of Economy*, no. 8, pp. 5–29.
- Tirole J. (1996). *Rynki i rynochnaya vlast': teoriya organizatsii promyshlennosti* [Markets and market power: A theory of industrial organization]. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola.
- Shastitko A.E. (2002). *Novaya institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya* [New institutional economic theory]. Moscow: Ekonomicheskii fakul'tet MGU, TEIS.
- Sherer F., Ross D. (1997). *Struktura otraslevykh rynkov* [The structure of industry markets]. Moscow: INFRA-M.
- Yakovets Yu.V. (2003). *Renta, antirenta, kvazirenta v global'no-tsivilizatsionnom izmerenii* [Rent, anti-rent, quasi-rent in the global civilizational dimension]. Moscow: Akademkniga.
- Dyer J.H., Singh H. (1998). The relational view: Cooperative strategy and sources of interorganizational competitive advantage. *The Academy of Management Review*, vol. 23, no. 4, pp. 660–679. DOI: 10.2307/259056.
- Littlechild S. (1981). Misleading calculations of the social costs of monopoly power. *Economic Journal*, vol. 91, no. 362, pp. 348–363.
- Posner R. (1975). The social costs of monopoly and regulation. *Journal of Political Economy*, vol. 83, no. 4, pp. 807–828.
- Spengler J. (1950). Vertical integration and antitrust policy. *Journal of Political Economy*, vol. 58, no. 4, pp. 347–352.
- Tullock G. (1967). The welfare costs of tariffs, monopolies and theft. *Western Economic Journal (now Economic Inquiry)*, vol. 64, pp. 224–232.

Information about the authors

Ruslan A. Samsonov

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of Management, Business Organization and Innovation Dept. **Altai State University** (61 Lenina Ave., Barnaul, 656049, Russia). E-mail: samsonovr@ya.ru.

Sergey N. Bocharov

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Rector. **Altai State University** (61 Lenina Ave., Barnaul, 656049, Russia). E-mail: bocharov@edu.asu.ru.